

ФОЛЬКЛОР МОРДВЫ-МОКШИ: к проблеме бытования народных примет

Е. Н. ВАГАНОВА,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Среди множества фольклорных жанров, бытующих в повседневной крестьянской жизни, приметы занимают одно из ключевых мест. Это обусловлено тем, что человек, постигая мир, пытается понять его во всех взаимосвязях. Мировосприятие и осмысление окружающей действительности находят отражение в отточенных и испытанных временем формулах – приметах, содержащих указание на соотношение между двумя явлениями мира – физическое или духовное, причем одно из них служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего. С древних времен обращение к приметам продиктовано суеверным стремлением человека оградить и предостеречь себя на жизненном пути от опасности, жизненных невзгод, нежелательных действий. Приметы как аккумулярованные и зафиксированные в сознании человека памятки на все случаи жизни направляют, регулируют, моделируют человеческую деятельность, предполагают и формируют стереотипные образцы поведения. В приметах вербализируется все то, что представлялось народу ценным в его исторических и географических условиях, в процессе становления и роста духовной и материальной культуры.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать образцы мокшанских народных примет, собранных финским ученым Х. Паасоненом во время экспедиций по российской глубинке конца XIX – начала XX в. к

одному из древнейших финно-угорских народов Поволжья мордве. Зафиксированные им приметы были опубликованы после его смерти в 4-м томе серии книг *Mordwinische Volksdichtung* («Мордовская народная поэзия») в латинице [12].

Содержание примет необычайно разнообразно, их тематический диапазон охватывает практически все сферы человеческой жизни. Условно образцы народных примет мордвы-мокши можно разделить на следующие группы: 1) приметы о погоде; 2) житейские или хозяйственно-бытовые; 3) приметы суеверного характера; 4) сновидческие. Данная статья посвящена рассмотрению житейских, суеверных и погодных примет с точки зрения традиционных ценностей.

Примета – это словесная формула пословичного типа, одна из лаконичных форм свободных суждений, предвещающая что-либо. Она имеет достаточно древнее происхождение и репрезентирует пропущенный через сознание опыт взаимодействия человека с внешним миром, эксплицирует определенный пласт культуры отдельного этноса, его духовный и нравственный облик, особенности национального менталитета. Вместе с тем это – активно бытующее в современном речевом общении вербальное образование, в котором объективируется устойчивая связь двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе – как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее [1, 279]. Фольклорное «выска-

зывание» в виде примет имеет знаковую природу, а сама структура рассматривается как структура знака. Человек, воспринимающий то или иное событие как примету, интерпретирует его как знак некоторого другого события, как добрый или недобрый знак для начала какого-либо дела.

Народные приметы представляют уникальный пласт паремиологического фонда языка. Они определяются отечественными учеными как клишированные изречения с доминантной прогностической функцией, суть которых – в предсказании будущего [2, 249; 7, 256; 8, 294]. Следует заметить, что прогнозируют всегда лишь вероятность наступления события, поэтому прогнозы могут быть и верными, и неверными. Более того, ситуация, параметр которой прогнозируется, не может возникать по воле человека: она относится к природной или общественной жизни и является стихийной [5, 177].

Говоря о жанровой вариативности устно-поэтической речи, А. Н. Веселовский подчеркнул, что устный язык поэзии так же разнообразен, как многообразны и создаваемые при его помощи фольклорные образы, что единство его относительно [4]. Поскольку язык устной поэзии достаточно строго дифференцирован в жанровом отношении, то соответственно и примета имеет свои специфические особенности, отличающие ее от других малых форм необрядового фольклора.

Слово «примета» в бытовой речи может употребляться в двух противоположных значениях: как «суеверие» и как «верное» наблюдение. В них обнаруживается сложное переплетение рационального и иррационального. Они выработаны коллективным творчеством народа в ходе эмпирических наблюдений, давших возможность подметить закономерности и причинно-следственные связи. Однако существуют и такие суеверные приметы, которые не поддаются «причинному» истолкованию.

Приметы отличаются от поверий – кратких изречений, служащих отраже-

нием пережитков ранних форм религий человека и сохранившихся реликтов сознания древнего человека, его мифологического мироощущения. Приметами чаще всего называют «естественные», а поверьями – «суеверные» предзнаменования [11, 11]. Являясь неотъемлемой частью устного народного творчества, приметы сосредоточены на передаче прямого смысла в отличие от пословицы, построенной на иносказании. Они характеризуются высокой формально-смысловой организацией, обуславливающей употребление таких способов эстетического построения текста приметы, как ритм, рифма. По своей природе приметы относительно гибки, поскольку постоянно приспосабливаются к новым обстоятельствам жизни, соответствуют определенному типу жизнедеятельности и отражают творческую активность общества.

Народные приметы определяются отечественными учеными как клишированные изречения с доминантной прогностической функцией, суть которых – в предсказании будущего.

Основная структурная особенность приметы заключается в том, что она в идеале состоит из двух пропозиций: данное (наблюдаемое) положение дел А соотносится с более или менее конкретным и значительным положением дел Б в будущем [9, 187]. Приведем в качестве иллюстрации следующие приметы: *lukkšä-vidämsta ftalu af vanändišt (f-)*, *lukkšä-š af liši* «Во время посева гречихи назад не оглядываются – гречиха не взойдет» [12, 727]; *vidi poksnän lanks af madändišt, aňgälčä avarđi* «На правый бок не ложатся, ангел плачет» [12, 720]. По убеждению крестьян, за правым плечом человека стоит добрый ангел, а за левым – злой черт. По суевию, ложиться следует на левый бок, чтобы не придавить правым плечом ангела-хранителя. Бинарность считается одной из важнейших мифо-

логических, языковых, фольклорных и ментальных универсалий, в вышеприведенном примере представлена одна из семантических оппозиций: левый – правый.

Приметами чаще всего называют «естественные», а поверьями – «суеверные» предзнаменования.

Приметы имеют, как правило, традиционную внутреннюю структуру, конец и начало связаны друг с другом имплицативными отношениями причины и следствия, условия и следствия. За этой причинно-следственной рамкой стоит отношение логической обусловленности *если А, то В*. В реальной действительности практически нет таких явлений, которые не были бы обусловлены чем-то другим, или не зависели бы от чего-то другого, или не являлись бы сами условием для другого. Обусловленность служит универсальным отражением объективной действительности.

Примета имеет форму простого или сложного предложения и выражает законченную мысль. В простом предложении в большинстве случаев вторая часть выступает в роли второстепенного члена предложения: *kutś čakadi af pars* «В доме слышишь стук – не к добру» [12, 713]; *šakanasta jamś liši af pars* «Выплескивается суп из горшка – не к добру» [12, 714]. В первой части сложного предложения содержится наблюдение, причина, во второй – следствие, результат, вывод: *šävsta sarda praj, keŋkšt päli veläj, sä kucta kulī uli* «С лучины щепка отлетит в сторону – в доме будет покойник» [12, 712]; *jäšihäti kažnät jořašt štoba šumbra· ši maksəza* «В родник бросают дары, чтобы здоровье было» [12, 710]; *čavkatnä nal'kišt pižəm tuji* «Галки резвятся – дождь пойдет» [12, 715]; *rožuskəmsta (pašle·dnaj) krandazś af päškadi, omba kəžnä· sorəs af šaci* «Последняя телега не наполнится рожью – в следующем году зерно не уродится» [12, 713]. Встречаются приметы, в кото-

рых обе части представляют собой простые предложения: *kuc(a) af veškändišť, keldat šaciřť* «Дома не свистят – клопы заведутся» [12, 718].

Активному использованию жанра примет в крестьянской жизни способствовали сложные природно-климатические условия ведения сельскохозяйственного хозяйства, тяжелые бытовые условия жизни, суеверия. Погодные приметы – это своего рода народные метеорологические знания, или этнометеорология. Пытливый человеческий разум стремился объяснить независимые от его деятельности явления природы и бытия, сформулировать законы самоорганизации природы. Широко известны приметы: *kuli täšttnä päk kərfa·št, řalənda jakšafti* «Если звезды мерцают ярко – к холодной зиме» [12, 711]; *sarät pəl'kišt, řalənde jakšafti, kizənda· mañəndi* «Заря горит – зимой похолодает, летом – к ясной погоде» [12, 715]; *atamś rana tunda· toraj, kizəs čebär uli* «Гром гремит ранней весной – лето будет хорошее» [12, 716]; *šoksənda kurək lovś praj, tunda· af kurək solaj* «Рано осенью снег выпадет – весной не скоро растает» [12, 723]; *šiś lišəmdənzä melä kəši, pižəm tuj* «Солнце после восхода зайдет за тучи – дождь пойдет» [12, 724]; *atam joŋks šimi, pižəm tuji* «Радуга “пьет” – к дождю» [12, 728].

Специфическая особенность наблюдений выражается в том, что чаще всего предсказывается не характер предстоящей погоды, а ее влияние на хозяйственную деятельность. Народ издавна искал ответы на вопросы, как узнать, какая будет погода завтра, каким образом определить, когда лучше начинать сельскохозяйственные работы, какой будет урожай. В древности люди чутко реагировали на изменения в природе и делали свои умозаключения относительно богатого или скудного урожая еще задолго до наступления лета: *očəžəñ šiñä· atam toraj, sä kəžnä· sorəs šaci* «В день Пасхи гром прогремит – год будет урожайный» [12, 729]; *lovś oču, sä kəžnä· sorəs päk šaci* «Много снега – хорошо уродятся зерновые» [12, 721].

Мордва занималась земледелием, скотоводством, бортничеством, охотой, рыбной ловлей и тесно контактировала с природой. Благосостояние, успех людей в промыслах во многом зависели от природных явлений и капризов погоды. Крестьяне не только наблюдали за явлениями природы и погодой, но и присматривались к поведению животных и насекомых, следили за повадками (движением, походкой, полетом) птиц, прислушивались к их пению и на основе этих данных делали простейшие выводы: *vätraksñä väknašt lämbähndi* «Лягушки квакают – потеплеет» [12, 715]; *tundafkä karga näjat, suräs päk šači, lama näjat, af šači* «Увидишь одного журавля весной – к урожаю проса, увидишь много журавлей – к неурожаю» [12, 722]; *värma-čidä lama näjat, mači ľefkstöt lama uli* «Увидишь много диких уток – к приплоду гусей» [12, 722]; *šoksända värma-čišñä alga jotašt, kuräk lov praj* «Осенью дикие утки низко летят – скоро выпадет снег» [12, 722]; *veläi velfkä lokšišišt (<lokš-) jotašt saraħma-n pizäm uli* «Над селом лебеди пролетят – град будет» [12, 722]. Многие приметы связаны непосредственно с домашними животными: *tuväs mähñä-j, vandj pizäm tuji* «Свинья хрюкает – завтра дождь пойдет» [12, 713]; *piñäs kudu käši, jakšafti* «Собака в дом прячется – похолодает»; *alašaiñä pärksništ, pizäm tuj* «Лошади фыркают – дождь пойдет» [12, 714]; *katäs ulča-v vani lämbähndi* «Кошка на улицу смотрит – потеплеет» [12, 724]; *piñäs kovaräj, pizäm tuji* «Собака катается по земле – дождь пойдет» [12, 723]; *katäs aňgəräj, jakšafti* «Кошка царапается – похолодает» [12, 713].

Приметами была пронизана вся жизнь мордовского крестьянина. В них концентрируются фенологические наблюдения народа за явлениями окружающего мира, за различными свойствами природных объектов, в том числе небесных тел, например: *kovs kruga marčta, pizäm uli* «Круглая луна – к дождю» [12, 725]. Предвестники осадков весьма многочисленны, и все они находят отражение

в приметах: *kvass tusttnä väri kepädišt, pizäm tuj* «Квасные дрожжи вверх поднимаются – к дождю» [12, 729]; *tuma-né väri kepädi, pizäm tuji* «Туман вверх поднимается – дождь пойдет» [12, 722]; *kudu tarvast af suva-fñišišt, pizäm tuji* «Домой серпы не заносят – дождь пойдет» [12, 717]. Приближающемуся циклону сопутствует изменение атмосферного давления и характера циркуляции воздуха, что мешает дыму из труб подниматься вверх: *kačamš meki pätnakudu suva-j, jakšafti* «Дым в печь возвращается – к холодам» [12, 722].

Приметы – это особый способ кодификации действительности, обеспечивающий хранение и передачу знания. Обобщаемые в жизненном опыте знания об окружающей действительности, включая профессиональные знания, оформлялись практическим языком примет.

Приметы, отражающие вековой опыт и практические наблюдения, вначале никто не записывал. Они передавались из уст в уста. В силу своей краткости, ритмичности и рифмованности они легко удерживались в памяти: *tiňgi jarčaz af jakašt, tuvätñä šorätñän šivišt* «На ток, кушая, не ходят, свиньи съедят зерно» [12, 711]; *ozändäm šuft af käršišt, kätñä koškišt* «Священные деревья не вырубят, руки отсохнут» [12, 710].

В традиционной культуре с ее системой верований и обрядов пространство воспринимается как неоднородное: ряд локусов мифологически маркируется позитивно или негативно, в то время как другие не имеют особых коннотаций. Каждое село или небольшая группа сел имели свои сакральные локусы, которые у мордвы назывались священными рощами, где устраивались сельские общественные моления-озксы и обряды жертвоприношения. Почитание деревьев и священных рощ представляло собой характерную черту дохристианской эпохи. Отдельные деревья считались неприкосновенными: их нельзя было жечь, рубить, а нарушивших запрет настигали наказания. По языческим воззрениям древней мордвы, священными деревья-

ми считались дуб, береза и липа. Вокруг «хлебного» дерева – липы устраивались театрализованные языческие праздники, затем обрядовые действия переходили к березе – покровителю домашнего скота, и наконец, к дубу – символу дождя, земной силы, мирового дерева. Озатя (посаженный старик), спрятавшись в густых ветвях священного дерева, перевоплощался то в «бога липы», то в «бога березы» или «бога дуба». Подобные сельские общинные праздники проводились как с целью сохранения и умножения урожая и домашнего скота, так и с целью поклонения деревьям и лесам, которые в жизни мордвы имели первостепенное значение [3, 55, 67]. Богов следовало расположить к себе, совершая для этого жертвоприношения, исполняя ритуальные танцы и песни.

Приметы – это особый способ кодификации действительности, обеспечивающий хранение и передачу знания. Обобщаемые в жизненном опыте знания об окружающей действительности, включая профессиональные знания, оформлялись практическим языком примет.

Приметы возникают из ритуалов, традиций, обычаев. Под обычаем подразумевается привычка, навык или действие, исполняемое по заведенному порядку. Язык народных примет до сих пор сохраняет память о существовавшем некогда обычае: *mičkt(ä) ozəndəmsta koñäti kućusa štiir'č jār'ništ, štəba skal't vazijäšəst* «Во время моляна творага стучат ложкой по лбу девушек, чтобы рождались телята» [12, 710]. Приведенная примета отсылает нас в ту отдаленную старину, к тем древним обрядам, когда по случаю отела коровы проводились моления. На третий день после отела готовили *mičkä* – творог. Прежде чем вкусить приготовленное блюдо, читали особую молитву и, следуя примете, шелкали девушек по лбу ложкой, чтобы корова давала здоровый приплод. Это действие,

по народному суевию, способствовало плодovitости скота.

Древние старинные верования не забылись, они глубоко вошли в сознание людей, в их повседневную жизнь. До середины XX в. встречались приметы, в которых подчеркивалась важная роль языческих божеств, например, Юртавы (богини двора), заплетающей лошадиную гриву [12, 718]: *alašas osal, jur'ta-vañäs af kelksi* «Лошадь худая – не любит Юртава» [12, 718]. Вероятно, если богиня полюбит лошадь, то заплетает ей гриву, если же не влюбит, то забудет в угол яслей.

Немало примет было связано с покровительницами стихийных сил природы: Веды-авой (богиней воды), Вирь-авой (богиней леса), Варма-авой (богиней ветра): *vir'asa vajgäl marat, šä šeri vir'a-vas* «В лесу услышишь голос – это зовет Вирява» [12, 724]; *varmas vāžñä-j, varmavañäs idənc väši (veši)* «Ветер дует со свистом, Вармава ищет свое дитя» [12, 720]. Примета советовала, как спастись от богини леса: *kujgər kačamsta p'rasnən vir'a-vada šarəndišt* «Дымом от бересты оберегают себя от Вирявы» [12, 726]. Приметы, предостерегающие от злых поступков Веды-авы и Вирь-авы, вероятно, появились в тот момент, когда эти существа в глазах людей превратились в химеры, приобрели демонические черты и стали представлять угрозу для человека.

Привычные образы языческих божеств мирно уживались с христианскими святыми. Христианство стало крайне важной частью народной культуры, святые и святость органично влились в традиционную картину мира. Многие из примет сопряжены с важными календарными праздниками: *aldake-jsta vedñä uli, kizəs čebär uli* «На Евдакею вода – к хорошему лету» [12, 711]; *očəžəñ veš mañi uli, kizəs čebär uli* «Ночь на Пасху ясная – к хорошему лету» [12, 711]. По состоянию погоды в дни праздника предсказывается погода на отдаленную перспективу: *roštəva jotks pagoda, kizəs pižəm uli* «На Рождество непогода – лето будет до-

ждливое» [12, 711]. Факт мифологизации времени в народной культуре – очевидное явление, суть которого заключается в том, что одни отрезки времени наделяются положительной, а другие – отрицательной оценкой. Перед стихией времени человек испытывает страх, он стремится «овладеть» временем и подчинить его с помощью магических манипуляций. Не случайно подмечено, что в древности наши предки праздников боялись не меньше, чем нечистой силы. Страх руководил мыслями и действиями, поэтому соблюдались запреты, ограничения и предписания [10, 187].

Переходный период, когда окончательно провозжали лето и встречали осень, связывали с днем преподобного Симеона Столпника, или Летопроводца. К этому дню заканчивались все торговые и хозяйственные дела, ожидалась перемена в погоде. Например, гром предвещал долгую и теплую осень: *šemjān šidā melā atam toraj, šokš kvaka uli* «Гром после Семенова дня – будет осень долга» [12, 716]. После этого праздника налагался запрет на стрижку овец: *šemjān šidā melā uča-t af naršišť, jakšams af kirđišť* «После Симеона овец не стригут – холодов не выдержат» [12, 716]. Не следовало стричь овец привязанными, иначе они перестанут плодиться: *uča-t sotház af naršišť, uča-ñä af raštašť* [12, 711]. Недобрым знаком считалось приносить с собой обратно с поля хлеб. Нарушающий это табу рисковал потерять домашнюю птицу – кур: *pakšasta kšit meki af tušandišť, sarashä kulišť* «С поля семена пшеницы в дом не несут – куры погибнут» [12, 711]. В Пасхальное воскресенье первый посетитель весьма почитался как способный принести благополучие в семью. Его старались усадить, чтобы повезло в разведении кур: *očážän šinä pervaj sajť ozafñä saž štäba sarashä ozast* «На Пасху первого гостя усаживают, чтобы куры неслись» [12, 712]. Удача в разведении птицы могла быть утрачена, если гость отказывался присесть.

Приметы до наших дней сохранили правила, регламентирующие время и

способы передачи предметов, символизирующие благосостояние дома и семьи. Их соблюдали, чтобы не лишиться урожая, чтобы дом был всегда полон хлеба, который отождествлялся с богатством, счастьем, жизнью. Не следовало ничего давать по большим праздникам, в начале сельскохозяйственных работ, чтобы из дома не ушли удача и достаток. Особенно опасным считалось время после захода солнца: *jarmakt ši valgämda melä af makššišť, niščajgadät* «Деньги после заката не дают – нищим будешь» [12, 715]. Избегали давать что-либо займы в начале полевых работ, чтобы урожай не перешел к соседям вместе с одолженными предметами: *vidämä lišäm šinä kiñdigä mežävək af makššišť, šora-vañäs maksävi* «В первый день посева зерновых ничего никому не дают – Паксяву (богиня плодородия, покровительница урожая) отдашь» [12, 718]. Строго следили за тем, чтобы ничего не давать и не продавать в день выноса из дома зерна для посева, в день отела коровы или появления ягненка: *uča vārəzam šinä mežävək af makššišť, uča-ñ plamacä maksävi* «В день, когда ягнится овца, ничего не дают – овечье племя отдашь» [12, 718]. Многие запреты были продиктованы стремлением сохранить плодovitость скота, птицы в хозяйстве и не лишиться удачи в разведении скота. Защитником домашнего скота считался святой-покровитель Георгий: *jago-rāj xrabraj, vaniť švatañänän jakčamsta šäjämsta šiməmsta jarčamsta, täjt maksa piñät nändi* «Храбрый Егорий оберегает скот в ходьбе, на выгоне, в питье, в еде, сохранит от собак» [12, 725].

Особенным свойством жанра примет являются постоянное изменение, трансформация, обновление. Они соответствуют определенному типу жизнедеятельности, отражают культуру и быт своего времени. Приметы, как правило, связаны с наиболее важными для человека этапами жизни: рождением, браком и смертью. По народному суевию мордвы-мокши, рожденный в субботу ребенок будет несчастным: *jotk šin šači*

šabaš af čäšlu [12, 719], а родившийся в рубашке – счастливым: *šabaš šamařks marčta šači, čäšlu uli* [12, 721]. Замечено также, что если ребенка поднимают вверх и он широко раздвигает ноги, то он недолго проживет: *šabat kēpədəmsta pilgənzən kuva-lgafti, šä šabaš kulī* «Ребенка поднимешь и он протягивает ноги – неживучий» [12, 720]; *pāk joñu šabaš laməs af eřäj* «Очень умный ребенок долго не живет» [12, 724]; *lemfätmä šabaš kukuks araj* «Безмянный ребенок превращается в кукушку» [12, 723].

Вокруг «хлебного» дерева – липы устраивались театрализованные языческие праздники, затем обрядовые действия переходили к березе – покровителю домашнего скота, и наконец, к дубу – символу дождя, земной силы, мирового древа. Озатя (посаженный старик), спрятавшись в густых ветвях священного дерева, перевоплощался то в «бога липы», то в «бога березы» или «бога дуба». Подобные сельские общинные праздники проводились как с целью сохранения и умножения урожая и домашнего скота, так и с целью поклонения деревьям и лесам, которые в жизни мордвы имели первостепенное значение.

Народные приметы сохранили древнейшее представление о смерти, идущее с языческих времен. Смерть неизбежна и предопределена судьбой, но время и обстоятельства своей смерти человеку знать не дано. Однако существовало множество суеверных примет, предвещающих смерть человека: *sarazš kukəřä-j, šä kuca kulī uli* «Курица кукарекает – к покойнику в доме» [12, 712]; *sarazš väldärmava liši, šä kuca kulī uli* «Курица вылетит через дымовое оконце (в бане) – в доме покойник будет» [12, 713]; *šalčəžä alu kiñni, vėləsa kulī uli* «Нос чешется – кто-то в деревне умрет»

[12, 713]; *kud prása kalma kranč koknaj, šä kuca kulī uli* «На крыше дома серая ворона каркает – в доме будет покойник» [12, 713]; *pätinakucta kšiš liši, šä kuca kulī uli* «Хлеб выходит из устья печи – в доме будет покойник» [12, 714]; *kalma lanřsa pilgəc juksəndəvi, šä lomañc kurək kulī* «На кладбище развяжется обувь – тот скоро умрет» [12, 716]; *pičət af ozaftñiši, kula-t* «Сосны не сажают – к смерти» [12, 725]. Безусловно, приводимые нами приметы свидетельствуют о суеверности мокши, но они были тесно связаны с суровыми реалиями крестьянской жизни, с высокой смертностью, особенно детской, наблюдавшейся вплоть до 50-х гг. XX в.

Большая доля примет затрагивает тему удачи/неудачи, счастья/несчастья: *kstiš moləmsta šavañätñəñ jořasaž, komada praj, af päškədi, ozada praj, päškədi* «По дороге за земляникой подбрасывают деревянные миски, упадет вверх дном – не наполнится миска, если на дно – наполнится» [12, 725]; *ərvä-ñat onavac vėläj, pavazəc af uli* «У невесты свадебная кибитка свалится – счастья не будет» [12, 714]; *piñä karšəzt uga-đavi, uda-laj* «Собака перейдет дорогу – повезет» [12, 717]; *kata karšəzt uga-đavi, af uda-laj* «Кошка навстречу – не повезет» [12, 717]; предсказывает рождение девочки или мальчика: *avaš kulčəndəmsta čakřmaräj, šorac šači* «Женщина выходила слушать. Если слышала стук – сын родится» [12, 728]; пророчит долгую жизнь или скорейшую смерть: *vəñča-ndamsta (ve-) ərvä-ñat surksəc praj, vəkənc af eřäj* «Если во время венчания у невесты кольцо упадет, ее век короткий» [12, 714]. Мордва считала браки более счастливыми, если они заключались на Масленицу, в период весеннего солнцестояния, когда проводились праздники Ведь-авы, богини воды.

В приметах как в особой форме проявления народной мудрости осмысливаются вечные философские проблемы добра и зла, бытия и небытия, истины и красоты, жизни и смерти: *väldärmava kiřks suva-j af parks* «Если воробей влетит через дымовое окно (в бане) – не к добру» [12, 719]; *piñəs urəkədi af pars*

«Собака воеет – не к добру» [12, 721]; *očəžəndi pozaš af uda-laj af pars* «На Пасху брага не удастся – не к добру» [12, 721]; *pätinakudu kši ila-di af pars* «Останется хлеб в печи – не к добру» [12, 724]. Некоторые приметы учат избегать неприятностей: *očəžəsta avatñä kápä af jakašt, kuləfnä kudu suva-št* «На Пасху женщины босиком не ходят – умершие предки в дом входят» [12, 722], готовят к неожиданной встрече: *kuču ila-di šəralaŋks, šä šinä-konak saj* «Ложка останется на столе – в этот день гость придет» [12, 713]; *pilgəžä keŋkšti povī, konak saj* «Ногу в дверях прищемит – гость придет» [12, 715] или приятной новости: *šəžganč valm ala čikərđi, para kulä-azəndi* «Трещат сороки под окном – к хорошей новости» [12, 718]; *vidi piləžä činä-j, para kulä-kulä-n* «Звенит в правом ухе – к хорошей вести» [12, 713].

Существует немало примет, связанных со строительством будущего жилища: *kudəñ putəmsta matkati kši sotñišť, saməldä kersaž, kəli kuntfpraj (kši), af pars* «При строительстве дома, хлеб подвешивают к опорной балке, затем подрезают нить, если хлеб падает коркой вверх – не к добру» [12, 727]. Место под постройку дома крестьяне выбирали очень тщательно, так как от места, по народному убеждению, зависело, будут ли в доме удача, счастье и достаток. О наделении дома благополучием, богатством заботились уже при закладке дома: *kudəñ putəmsta ežəm prā ugəlti jarmakt putñišť kožakadəmaŋksa* «При постройке дома в уголок кладут деньги – к богатству» [12, 728]. Особое внимание обращали на выбор строительного материала: *kałgaf šufta kudəndi af putñišť, semjəndi staka uli* «Поваленное (ветром) дерево не используют для постройки дома, семье тяжело будет» [12, 721].

В объектном мире крестьянской избы, ритуально-обрядовой практике печь занимала заметное место, что в немалой степени обусловлено ее важным бытовым значением. Мордва с глубоким почтением относилась к печи, обожествляла ее и поклонялась ей. Сохранилось

немало примет, связанных с печью и ее атрибутами: *pätinakucta šed koməti, šä šinä-konak saj* «С печи уголек выскочит – в этот день гость придет» [12, 713]; *pazaru tumsta pätinakud pahñəsaž štoba uda-laza* «Перед выходом на базар закрывают печку, чтобы удался путь» [12, 718]; *kačəms meki pätinakudu suva-j, jakšafti* «Дым в печь возвращается – похолодает» [12, 722]; *komfkss(a) sotš palj, jakšafti* «У печного свода сажа горит – похолодает» [12, 715]; *šetñnä pəkštərdišt, jakšafti* «Угольки потрескивают – похолодает» [12, 716].

Наличие примет, связанных с лаптями, указывает на весьма широкое распространение лыковой обуви у мордвы с древнейших времен. Это нашло отражение в духовной культуре народа, в ряде примет. На протяжении тысячелетий лыковые лапти служили мордве в качестве основной обуви. У мордвы лапти по технике плетения, по форме частей, отделке, украшению отличались от подобных изделий других народов. К искусству плетения относились серьезно: *karčť ozada af lijəndišt, avacə nəto-j sora šacfti* «Лапти не плетут сидя – жена родит немного сына» [12, 719].

Приметы – это одна из форм объяснения мира, конкретные, свернутые до формулы правила поведения человека. Многие приметы содержат рекомендации по поводу того, как вести себя человеку, чтобы избежать контакта с недобрыми людьми – колдунами: *svədbasta pəjełsa šarəncəž ərvə-nət, vādu-nəndi af šivəvi* «На свадьбе невесту обходят с ножом – ведун не околдует» [12, 721]. Они учат тому, как предупредить опасность, как избежать нарушения равновесия в человеческом мире. Примету можно квалифицировать в качестве одного из способов, с помощью которого осуществляется экспликация запретов и правил, кодифицирующих повседневную жизнь и быт человека: *roštəva jotksta šəjarčť af kāršišt, prāca šārətksti* «В рождественскую неделю волосы не стригут – к головной боли» [12, 720]; *pami-ŋkasa kormatñəñ kurək af štafnəsaž,*

śārđātñā śelgancāz «На поминках пищу не открывают сразу – предки заплывают» [12, 718]; *pejal pēsa af jar'cīssišt, pāk orža ula-t* «С кончика ножа не кушают – острым на язык будешь» [12, 712]; *lanġkstast panar't af sništ, mormačavat* «Рубаху на себе не шьют – рассудок потеряешь» [12, 712]. Из этого следует, что наряду с регуляторной функцией приметам присущ воспитательный эффект.

Для каждого жизненного этапа характерны свой сложившийся опыт, своя система ценностей; с вновь «зарождающимися» нормами продолжают мирно «уживаться» остатки, осколки системы ценностей более ранних периодов культурного развития. Следует согласиться с точкой зрения Ю. М. Лотмана, который признает за предрассудками и приметами не ложь и дикость, а обломки другой правды, восходящей к другому типу культуры [6]. Приметы являются древними народными изречениями, базирующимися на ассоциативных представлениях архаичного человека, свидетельствующих о синкретичном способе отражения окружающего мира в его психике. Некоторые из них непосредственным образом свя-

заны с народным календарем, поскольку сигнализируют носителям традиционной культуры начало или окончание каких-либо хозяйственных работ, регламентируют крестьянский быт. Они образуются и живут в устах народа, формируют общее представление о его фенологической наблюдательности, стремлении предсказывать явления природы, события жизненного цикла. Одни приметы кажутся ясными и применимыми к современному быту, другие же, доисторической формации, неопределенны, исполнены намеков на отжившую старину, чужды современному образу мыслей. На основании проведенного анализа мы попытались сделать некоторые шаги в реконструкции фрагментов той наивной картины мира, которую выстраивал в своем сознании древний человек. В приметах можно обнаружить следы давно отживших верований или сосуществование двух мифологических сознаний: языческого и христианского. Это вполне объяснимо, поскольку в любой этнокультуре смена одной системы ценностей другой происходит отнюдь не моментально, а на протяжении длительного исторического периода.

Поступила 06.05.2013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Агапкина, Т. А.* Примета / Т. А. Агапкина, О. В. Белова // Славянские древности : этнолингв. словарь. – М., 2009. – Т. 4. – С. 279–280.
2. *Аникин, В. П.* Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высш. шк., 2004. – 734 с.
3. *Брыжинский, В. С.* Драматическая игра в обрядовых действиях мордвы // Вопросы мордовского фольклора. – Саранск, 1977. – С. 54–75.
4. *Веселовский, А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Л. : Гослитиздат, 1940. – 648 с.
5. *Гловинская, М. Я.* Предсказания и пророчества в русском языке // Понятия судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 174–180.
6. *Лотман, Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 3–11.
7. *Пермяков, Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 247–274.
8. *Павлова, Е. Г.* Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования : сб. ст. – М., 1984. – С. 295–298.
9. *Ройтер, Т.* Суеверные представления о судьбе : русские приметы в сознании современного городского жителя // Понятия судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 187–190.
10. *Толстая, С. М.* Семантические категории языка и культуры : очерки по славянской этнолингвистике. – С. М. Толстая. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2011. – 368 с.
11. *Фидарова, Ф. Т.* Логико-дискурсивная структура текстов фольклорного жанра примет и поверий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 25 с.
12. *Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1947. – Bd. 4. – 897 S.*